

J.A. Blinova (Russland, Samara)

**EIGENNAMEN ALS MITTEL ZUR AUSRICHTUNG VON
WERTVORSTELLUNGEN IM FIKTIONALEN DISKURS (AM BEISPIEL
DES ROMANS VON JUDITH SCHALANSKY „DER HALS DER GIRAFFE“)**

Im Artikel werden Klassen von Präzedenzeigennamen, die im fiktionalen Diskurs als Tropen fungieren, beschrieben. Metonymisierung, Metaphorisierung dieser Eigennamen und ihre Verwendung als Figuren und Tropen werden als Aktualisierung der konnotativen Bedeutungskomponente und als Ausrichtung von Wertvorstellungen im fiktionalen Diskurs betrachtet.

Schlüsselwörter: *Präzedenzeigennamen, Metonymisierung und Metaphorisierung von Eigennamen, Eigennamen als Tropen, Antonomasie, Autoritätszitate, Eponyme.*

Н.А. Гриднева (Россия, Самара)

**ДИСКУРС КАК ПРЕДМЕТ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕФЛЕКСИИ
В ТВОРЧЕСТВЕ И. БАХМАН**

Статья посвящена проблеме языка в творчестве И. Бахман. Поиск «нового слова», звучащий отдельной темой во многих ее произведениях, анализируется автором как проблематизация дискурса, противостоящего художнику в его попытке высказаться, найти аутентичную для своего личного опыта форму выражения.

Ключевые слова: *дискурс, Бахман, «Малина», модернизм, проблема языка.*

Проблема языка, ставшая ключевой для словесного искусства XX века, рассматривается исследователями во многих ракурсах [Барабанова 2004; Кучумова 2009; Рымарь 2007]. Один из возможных подходов – изучение ее как художественной проблематизации дискурса.

Согласно М. Фуко, дискурс следует толковать как «практику, которая систематически формирует объекты, о которых они (дис-

курсы) говорят» [Фуко 2004: 94]. Как социальная речевая практика дискурс непосредственно определяет картину мира своего субъекта, тот образ реальности, который традиционно рассматривается как его содержание. Именно с этим образом в силу самой специфики своего искусства имеет дело художник слова, и его недоверие к устоявшейся картине мира раскрывается, прежде всего, как недоверие к устоявшейся практике его описания, говорения о нем. Как замечает И. Бахман, все возможные конфликты – метафизические, религиозные, социальные, политические и т.д. – «выливаются для писателя в конфликт с языком» [Bachmann 2011: 18]. Предметом деятельности художника слова становится сам дискурс, по отношению к которому он и стремится занять известную позицию внаходимости. Он пытается вырваться из власти дискурса и взглянуть на него со стороны, чтобы получить возможность понять способы его функционирования и обнаружить его границы. Поэтому природа художественного высказывания может быть определена как а-дискурсивная: в нем слово теряет свою прозрачность, мифическую интенциональность, оказывается изъятым из пространства дискурсивных практик и попадает в пространство языка [Саморукова 2002: 48].

В творчестве Ингеборг Бахманн, одной из ключевых представительниц немецкоязычной модернистской литературы, проблема языка, конечно, имеет первостепенное значение. Отношения И. Бахман с языком складывались во многом под влиянием философии М. Хайдеггера, рассматривавшего язык как «дом бытия», а также работ Ф. Ницше, Ф. Маутнера, Г. фон Гофмансталя и Л. Витгенштейна, представляющих так называемую «традицию современного языкового скепсиса». В значительной мере близка ей оказалась также концепция «сплошной вырубki» (В. Вейраух), в частности, ощущение потребности в обновлении языка, его «расчистке», очищении от связанных с нацистской идеологией коннотаций.

В целом, язык виделся И. Бахман «засоренным разного рода ложью, идеологиями, пропагандой и клише» [Моросеева 2016: 4]. Этому неизбежно «плохому языку жизни», или «плохому языку времени», как характеризует она его в своих франкфуртских лекциях, И. Бахман противопоставляет язык художественной литера-

туры, точнее, «утопию языка», к которому литература на протяжении всей своей многовековой истории отчаянно стремится [Bachmann 2011: 113]. Что это за язык? Мы постараемся описать его как язык, пытающийся преодолеть неизбежную дискурсивность, как язык, стремящийся выйти за пределы дискурсивного пространства – привычной для него среды существования.

Развивая теорию эстетического дискурса, В.И. Тюпа, в частности, замечает, что этот дискурс «не есть поиск смыслов (этический дискурс веры), не есть поиск значений (эпистематический дискурс знания), но есть поиск новых знаков, нового художественного языка» [Тюпа 1996: 13]. Таким образом, основная функция искомого нового языка, как, собственно, и сама суть эстетического дискурса, видится ученому в *означивании*. Схожую мысль можем обнаружить и у Р. Барта, который, в частности, замечает, что «язык служит писателю не для изображения, а для означивания действительности» [Барт 2000: 263]. Если под действительностью предполагать именно дискурс, то суть художественной деятельности может быть сведена к некоему вторичному семиозису, к разрыву или обновлению известных референциальных связей, когда «субъект художественного высказывания как бы заново означивает «присвоенные языки», выявляя в своей деятельности новые коннотации» [Саморукова 2002: 55].

Означивание само по себе есть тот механизм, который используется дискурсом для подчинения себе своего субъекта, ибо означивание неизбежно предполагает принуждение к интерпретации. Э. Пульчинелли Орланди описывает это как один из основных принципов функционирования идеологии в дискурсе. Дело в том, что, вступая в отношения с природой и обществом, человек не может не означивать. Будучи «обреченным на означивание», он принуждается к выбору интерпретации, причем это не может быть какая угодно интерпретация, это именно «одна из возможных интерпретаций, которая всегда представляется как *единственная*» [Пульчинелли Орланди 1999: 209].

И. Бахман обнажает несостоятельность имеющихся в наличии, т.е. навязываемых дискурсом средств означивания, их «чуждость», несоответствие ее собственным мыслям и потребностям. Это находит отражение, в частности, в разрабатываемой ею про-

блеме идентификации человека с его собственным именем, вещи – с обозначающим ее словом. «*Malina und ich haben, trotz aller Verschiedenheit, die gleiche Scheu vor unseren Namen...*» [Bachmann 2013: 111] – признается героиня ее романа, которую И. Бахман оставляет безымянной. Без имени остается и героиня другого ее произведения – стихотворения «*Wie soll ich mich nennen?*», в котором та, что «*von vielen Leibern besessen*», заявляет о невозможности подобрать для себя, многотелой, адекватного имени [Bachmann 2012: 30]. И. Бахман лишает слово привычной прозрачности, оставляя ощутимый зазор между миром слов (имен) и миром вещей (людей), не давая читателю забыть, что это есть именно два разных мира. Так, например, героиня романа «Малина» рассказывает о своем возлюбленном Иване: «*... dem einzigen Lösungswort, das sie für ihr Ziel wissen, und wie könnte dieses Wort, das heute schon für die Zukunft steht, anders heißen als Ivan. Es heißt Ivan*» [Bachmann 2011: 36]. В таком представлении Иван-имя как бы отделяется от Ивана-человека, начинает жить своей самостоятельной жизнью, приобретает некую самоценность, самозначимость, будучи проблематизированным именно как слово, как лозунг, как призыв.

«Доверительные отношения между Я и языком и вещью, – заявляет И. Бахман, – подорваны» [Bachmann 2011: 16]. Упомянув в этой связи знаменитое «Письмо лорда Чандоса» Г. фон Гофмансталя, она, кроме прочего, говорит о «превосходстве вещей», которые теперь ускользают от означивания, больше не поддаются схватыванию в слове («*fremde Übermacht der Dinge, die nicht mehr zu fassen sind*»). Беда Чандоса, столь близкая художникам XX века, есть, по сути, проблема оязыковления индивидуально-личностных смыслов говорящего, которое, поскольку всегда производится в некоем дискурсивном пространстве, не может быть свободным, вольно конструируемым, но вынуждено противостоять существующим в системе языка средствам выражения мысли. «Ход превращения мысли в слово, – пишет К.Ф. Седов, – предстает перед нами как драматический конфликт между личностными смыслами и значениями, которые навязывает говорящему национальный язык» [Седов 1999: 8].

И. Бахман манифестирует собственную отчужденность от устоявшихся речевых практик (вспомним ее известное стихотворение с говорящим названием *Entfremdung*), вынуждающих человека видеть действительность и говорить о ней в рамках определенного социокультурного опыта, делающих его пленником коллективного языкового сознания, заставляющих слепо следовать устоявшимся дискурсивным стереотипам. Весьма показательным в этом плане является начало романа «Малина», где героиня рассказывает о своем «безнадежном отношении к “сегодня”», к слову, которое мы привычно, не задумываясь, используем каждый день: «... *es ist mir fast unmöglich, „heute“ zu sagen, obwohl man jeden Tag „heute“ sagt, ja, sagen muss... [...] Denn Heute ist ein Wort, das nur Selbstmörder verwenden dürften, für alle anderen hat es schlechterdings keinen Sinn...*» [Bachmann 2013: 9]. Здесь И. Бахман, занимая критическую позицию к слову, которое, казалось бы, столь просто и понятно в своем значении, что не может вызывать никаких вопросов, выводит читателя из «автоматизма его восприятия» (В. Шкловский) и заставляет увидеть в нем иной, нежели навязываемый дискурсом, смысл. Противопоставляя свою героиню «всем остальным», поработанным привычкой автоматизированного дискурсом словоупотребления, И. Бахман обозначает проблему неприятия говорящим того «готового опыта», который дискурс закладывает в каждое свое слово. Она пытается лишить дискурс монополии на означивание, отвоевать себе хотя бы малую часть этого права и противопоставляет *общему* опыту свой *личный*, субъективный, который, конечно, ищет адекватное, аутентичное себе самому выражение в языке:

*«Seit uns die Namen in Dinge wiegen,
wir Zeichen geben, uns ein Zeichen kommt,
ist Schnee nicht nur die weiße Fracht von oben,
ist Schnee auch Stille, die uns überkommt»* [Bachmann 2012: 99].

Острое ощущение того, что «слова нагружены, населены, перенаселены, пронизаны дискурсом» [Отье-Ревю 1999: 71], обращается для Бахман проблемой того, что М. Бахтин обозначает как «концепирование словом своего предмета». «...Всякое конкретное слово (высказывание), – пишет он, – находит тот предмет, на который оно направлено, всегда, так сказать, уже оговоренным,

оспоренным, оцененным, окутанным затемняющею его дымкою или, напротив, светом уже сказанных чужих слов о нем» [Бахтин 1975: 76]. Та «упругая, часто трудно проницаемая среда других, чужих слов о том же предмете, на ту же тему», которая, согласно М. Бахтину, залегает «между Я и языком и вещью», с позиций теории дискурса может быть объяснена тем, что лингвисты описывают как *интердискурс*: любой дискурс состоит из элементов ранее произведенных дискурсов. Интердискурс (наряду с интрадискурсом) неизбежно нейтрализует субъективные смыслы, буквально «подавляет» субъект и ведет к образованию так называемого бессубъектного дискурса.

Имея в своем распоряжении лишь общепринятые, конвенциональные, уже присвоенные себе дискурсом слова и формы, И.Бахман, как и героиня ее во многом автобиографического романа, отчаянно стремится достичь того «выражения, в котором мы приходим к себе самим» («*den Ausdruck finden, in dem wir zu uns selber kommen*») [Bachmann 2013: 41]. Для нее, как для художника, это оказывается критически важной задачей – задачей достижения аутентичности собственного высказывания, т.е. достижения такого высказывания, которое воспринималось бы как истинное, как выражающее реальный опыт и реальную волю своего субъекта.

И. Бахман четко понимала, что добиться читательского доверия можно лишь тем словом, которое будет воспринято как *ее* слово, как выражение ее личных мыслей и чувств. Заканчивая одну из своих лекций во Франкфурте, она, в частности, заявляет, что Я, являющееся читателю в тексте художественного произведения, только потому заслуживает веры в него, что, кем бы это Я ни было, оно берет слово, «выделяясь из единообразного хора, из молчаливой толпы» [Bachmann 2011: 75]. Пытаясь достичь искомого эффекта, И. Бахман, как и многие писатели ее века, идет по пути *остранения* самого акта высказывания, в котором теперь, поскольку он становится осязаемым, видимым, читателю как реальность является сам субъект высказывания. Таким образом, аутентичность приобретают его, субъекта высказывания, отношения с языком, дискурсом, власть которого он отчаянно стремится преодолеть в своей попытке высказаться. Для И.Бахман, язык которой даже после ее разрыва с поэзией, по оценке многочисленных

исследователей, остается лирическим, проблема языка – это в значительной степени проблема «выголашивания» (М.Бахтин) из него чужих акцентов и интенций, без чего невозможно поистине лирическое, т.е. сугубо личное, интимное, вызывающее доверие звучание художественного слова.

Литература

1. Bachmann I. Frankfurter Vorlesungen. Probleme zeitgenössischer Dichtung. –München: Piper Verlag, 2011. – 126 S.
2. Bachmann I. Sämtliche Gedichte. – München: Piper Verlag, 2012. – 229 S.
3. Bachmann I. Malina: Roman / Mit einem Nachwort von Elfride Jelinek. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2013. – 480 S.
4. Барабанова Н.В. Проблема идентичности образа литературного героя как проблема повествования: Дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2004. – 316 с.
5. Барт Р. Мифологии / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. – М.: Академический проект, 2008. – 351 с.
6. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Художественная литература, 1975. – 502 с.
7. Кучумова Г.В. Немецкоязычный роман 1980-2000 гг.: курс на демифологизацию: монография. – Самара: Самар. гуманитар. акад., 2009. – 152 с.
8. Моросеева Д.Д. Проблема аутентичности художественного высказывания в прозе Ингеборг Бахман: Дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2016. – 161 с.
9. Отье-Ревю Ж. Явная и конститутивная неоднородность: к проблеме *Другого* в дискурсе // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / Пер. с фр. и португ. / Общ. Ред. И вступ. ст. П.Серио; предисл. Ю.С. Степанова. – М.: ОАОИГ «Прогресс», 1999. – С. 54-94.
10. Пульчинелли Орланди Э. К вопросу о методе и объекте анализа дискурса // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / Пер. с фр. и португ. / Общ. Ред. И вступ. ст. П.Серио; предисл. Ю.С. Степанова. – М.: ОАОИГ «Прогресс», 1999. – С. 197-224.
11. Рымарь Н.Т. Еще раз о «прозрачном» и «непрозрачном» слове: к вопросу о структуре поэтического слова // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2007. № 2. С. 185-194.